

Лингуан вышел на порог и уверенно зашагал вперёд, сразу выхватив взглядом припаркованный неподалёку звёздный челнок — единственный во дворе.

Своими очертаниями этот аппарат напоминал мотоциклы эпохи древней Земли: хищный, дерзкий силуэт и бросакая чёрно-белая расцветка на корпусе выдавали его происхождение с потрохами. Наверняка Е Линь умыкнул его у муниципальной стражи. Идеальная машина как для патрулирования улиц, так и для того, чтобы подцепить какую-нибудь красотку.

Правда, оставался один щекотливый вопрос: кто в их тандеме играл роль той самой «красотки» — Лингуан или Е Линь?

Лингуан небрежно прислонился к борту челнока, лениво вытянув длинные ноги. Но не успел он проронить и слова, как на его плечи опустилось тяжёлое пальто.

Утренний ветер колотил холодом, и тёплая ткань пришлась как нельзя кстати. Тем не менее Лингуан на секунду опешил. Он ухватился за лацкан, удивлённо повёл бровью и снизу вверх взглянул на спутника:

— Неужели прихватил специально для меня?

Не дожидаясь ответа, он насмешливо фыркнул, ухватил Е Линя за воротник и резко притянул к себе, бесцеремонно разглядывая в упор. Что и говорить, природа не пожалела красок для этого чудовища. Его физическая оболочка безупречностью превосходила даже идеализированную красоту Фантастической духовной расы, чьи лица казались нереальными, кукольными. В чертах Е Линя благородство восточных линий удивительным образом переплеталось с резкой, точёной пластикой Запада. Чертовски красив, признать придётся.

Вот только, к несчастью, парень был круглым безумцем. И этот безумец, совершенно не боясь смерти, упрямо пытался с ним играть.

Лингуан лениво провёл пальцами по его щеке, пряча за мягкой улыбкой холодное безразличие.

— Решил подвезти? — негромко спросил он. — И как, не надоело торчать тут два часа?

«И заменять меня на дежурствах не надоело? И терпеть мои издевательства, пресмыкаясь рядом, — тоже?»

Лингуан продолжал улыбаться, вальяжно полулежа на сиденье челнока. В его облике сквозило привычное высокомерие человека, презирающего весь мир, но в глубине глаз таилось искреннее недоумение. Е Линь никогда не отличался кротостью или долготерпением. Но стоило Лингуану ткнуть его носом в ту поминальную табличку и расставить все точки над «i», как в Пожирателе вдруг проснулось ангельское терпение.

Возможно, в диких хищниках так говорит упрямый инстинкт завоевателя, не желающего отступать перед трудностями? Лингуан не знал наверняка.

Е Линь перехватил его руку. На лице его не дрогнул ни один мускул, но он слегка выпрямился, и баланс сил мгновенно сместился. Теперь он возвышался над Лингуаном, доминируя всем своим видом.

Его взгляд скользнул по изломленным дугам разлётных бровей Лингуана, задержался на вечно сияющих, пронзительных фениксовых глазах и опустился ниже, намертво приковавшись к чувственным алым губам.

После ночи роскошного ухода от Лингуана исходил едва уловимый аромат. Тонкое благоухание Травы Яо с горы Ушань, способное пробудить нежность в самом чёрством сердце, мешалось с горьковатыми нотами тысячелетнего сандала. Этот коктейль окутывал его аурой дурманящей сладости.

Но сильнее всего Е Линя сводил с ума не запах. Его влекла горячая, пульсирующая под тонкой кожей кровь, безупречный костяк этого прекрасного тела и, самое главное, мятежная, ослепительная душа, скрытая внутри.

— Я готов сделать для тебя всё что угодно, — негромко нарушил молчание Е Линь.

Но одновременно с этими словами его ладонь собственнически легла на горло Лингуана, заставляя того закинуть голову. В непроницаемо-чёрных глазах Пожирателя не было и намека на человеческие чувства.

Они замерли лицом к лицу, дыша одним воздухом. Это прикосновение могло показаться интимным, а обстановка вокруг — удушающе-жаркой. Будь на их месте обычные влюблённые, любой счёл бы эту сцену признанием в любви.

Если бы только пальцы Е Линя не сжимали чужую шею с такой безжалостной силой.

Это была одновременно и угроза, и величайшая уступка. Под обманчиво спокойной гладью Лингуан отчётливо различал бушующие потоки жажды убийства. Пожиратель не собирался подчиняться или «хорошо себя вести» — он просто заявлял свои права на добычу так, как умел только он.

Формула «Я сделаю ради тебя всё» в его искажённом понимании означала лишь одно: «Ты принадлежишь мне».

Е Линю было плевать на поминальную дощечку какого-то покойника. Он никогда не искал искренней любви Лингуана — он просто не знал, что это такое. Движимый слепыми первобытными инстинктами, он жаждал его крови, его плоти, упиваясь сладким безумием

чужого тепла.

А щемящую, глухую боль в груди он списывал на досадную помеху, не заслуживающую внимания.

Но так ли это было на самом деле?

Лингуан усмехнулся. Даже зажатый в тиски чужих пальцев, он выглядел как истинный владыка — гордый, неприступный, не способный склониться ни перед кем.

— Всё что угодно, говоришь?.. — протянул он, и его природно-алые губы изогнулись в лукавой улыбке.

Резким движением он вцепился в волосы Е Линя, вынуждая того наклониться ещё ниже. В рубиновых глазах Лингуана снова вспыхнула чистая, незамутнённая злоба, а его огненная шевелюра взметнулась по ветру, словно яростное пламя.

— Что ж, тогда докажи мне свою преданность.

В конце концов Лингуан снизошёл до того, чтобы занять пассажирское место. Он сел боком, изящно закинув ногу на ногу. Челнок сорвался с места, и алые пряди Лингуана заструились по ветру ярким шёлком.

Е Линь не понимал простой истины: у любой покорности есть цена, и сейчас он собственными шагами мерил дорогу к собственной гибели.

А Лингуан даже не пытался скрыть своего предвкушения. Стоило им вернуться в дом, как он сразу же, едва сдерживая нетерпение, протянул Пожирателю Бронзовый фонарь.

Впрочем, пускать всё на самотёк Лингуан не собирался — для него эта затея тоже имела колоссальное значение.

Он специально переоделся и теперь полулежал на диване, бесстыдно закинув голые ноги на журнальный столик и буравя Е Линя пристальным взглядом.

С того места, где стоял Е Линь, открывался умопомрачительный вид. Его взгляд медленно скользил от изящных, чуть розоватых лодыжек Лингуана вверх по точёным ногам. Слишком просторный изумрудный свитер едва прикрывал бедра, кокетливо обнажая лишь край тонких чёрных шорт. Поверх плеч была небрежно наброшена алая божественная мантия, сотканная из утренней зари. Выглядел он в этот момент неописуемо соблазнительно.

Лингуан затянулся сигаретой и ленивым кивком указал на прибор, давая понять, что Е Линь

может начинать.

Е Линь подошёл ближе, обхватил его лодыжку ладонью и, медленно поглаживая нежную кожу, внезапно поднял глаза:

— Сперва я тебя укушу.

— Что за... — Лингуан не успел договорить.

Е Линь мёртвой хваткой вцепился в его лодыжку и одним рывком стащил с дивана прямо на журнальный столик, подминая под себя. В следующее мгновение он бесцеремонно закинул стройное бедро Лингуана себе на плечо. Короткие шорты несколько не защищали нежную кожу от грубого натиска.

Этот безумец принялся исступлённо терзать зубами его плоть. Лингуан брыкался, пинал его свободной ногой, точно отбивался от бешеного пса, но Е Линь и не думал разжимать челюстей. Он молча двигался выше, оставляя на бёдрах рваные багровые отметины. Он то успокаивающе зализывал ранки горячим языком, то вновь резко вонзал зубы в кожу, заставляя любовника вздрагивать.

От жгучей боли у Лингуана повлажнели глаза. Только что прикуренная сигарета выпала из пальцев, задымив где-то рядом. Корчась всем телом, он попытался отползти, но его грубо вернули на место. Е Линь навалился сверху, прижимаясь всем весом. Его зубы сомкнулись на шее Лингуана, пока одна рука бесцеремонно пробиралась под ткань шорт, а вторая намертво перехватила ладонь, которой тот отчаянно пытался зацепиться за обивку дивана.

Насильно разогнув его пальцы, Е Линь сплёл их со своими в замок. Лингуан в ярости нанёс ему ещё несколько ударов свободной ногой, но в ответ получил лишь новую вспышку жестокости: зубы Пожирателя сжались на его горле с такой силой, что в глазах поплыли круги, а к горлу подступил сладковатый, дурманивший дух удушья.

Когда Е Линь наконец отстранился, Лингуан остался лежать на столике. Он бессильно прикрыл лицо ладонью, мелко дрожа и ловя ртом воздух. Его некогда безупречные алые волосы разметались в живописном беспорядке, довершая картину дикого порочного плена.

— Скотина! — прохрипел он и со всей силы пнул мучителя в грудь.

Е Линь смолчал. Он поднялся и спокойно подобрал укатившийся Бронзовый фонарь. Накрыв ладонью тусклое горлышко, он опустил веки с самым бесстрастным и холодным видом, словно и не он только что яростно терзал податливое тело под собой.

И лишь размазанная по его губам чужая кровь выдавала недавнее безумие.

Слабый, едва теплящийся огонёк в недрах бронзового фонаря затрепетал и при приближении Пожирателя вспыхнул зловещим изумрудным свечением. Стоило Е Линю высвободить свою тёмную силу, как Фонарь озарил комнату ослепительным, неистовым сиянием.

Раздался резкий сухой треск.

Вслед за ним — ещё один.

Зелёное марево затопило комнату. Е Линь покачнулся. В его зрачках, словно в зеркалах, отражалось призрачное пламя, готовое без остатка поглотить его разум и вытянуть душу.

А его физическая оболочка, точно пустой фарфоровый сосуд, покрылась сетью глубоких трещин.

Лингуан поспешно запахнул ворот просторного свитера. В абсолютном молчании он наблюдал за тем, как яростно разгорается пламя Фонаря, и в этом холодном взгляде сквозило чистое, пугающее безумие.

В его голове истошно взвыл испуганный голос Системы:

[Прекратите! Живо отпустите его! Хозяин, заставьте его отпустить фонарь! Карточка персонажа Е Линя сейчас будет полностью уничтожена!!!]

Лингуан медленно поднял руку.

И вопреки паническому визгу Системы, он лишь слегка прикрыл глаза и точным, резким движением выбил Фонарь из рук Е Линя, прерывая его самоубийственный транс.

Бронзовый фонарь с глухим стуком рухнул на пол и покатился прочь, тускнея на ходу.

<http://bllate.org/book/20308/2132128>